

980
897

Приложение к журналу «Родина»

ИСТОЧНИК

ДОКУМЕНТЫ
РУССКОЙ
ИСТОРИИ
2002'3

Rader
im Jahre

Руки Загребуцке, 1813

ВЕСТНИК
АРХИВА ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

«Война была ведена с нашей стороны с крайней жестокостью»

Из истории присоединения Средней Азии к Российской империи

Об авторе публикуемого письма Аркадии Августовиче Вейнберге известно лишь, что в 1873–1878 гг. он служил дипломатическим чиновником при туркестанском генерал-губернаторе К. П. Кауфмане¹. Академик В. В. Бартольд упоминал Вейнберга как «хорошего знатока персидского языка»². В Туркестане Вейнберг оказался свидетелем многих важных событий. Вместе с М. Д. Скобелевым³, направленным к Якуб-беку⁴, Вейнберг 13 июля 1875 г. достиг Коканда. Их прибытие совпало с началом восстания в Кокандском ханстве, повлекшим за собой его ликвидацию и включение его территории в состав Российской империи в качестве Ферганской области. Вейнбергу пришлось сопровож-

дать Худояр-хана⁵ во время его бегства из Коканда в Ходжент.

Публикуемое письмо Вейнберга барону Ф. Р. Остен-Сакену⁶ содержит целый ряд интересных сведений о событиях из истории присоединения Северной Азии к Российской империи. Публикуется также письмо К. П. Кауфмана, которое Скобелев вез Якуб-беку, но из-за упомянутых выше событий так и не смог доставить его по назначению. В конце концов письмо оказалось в личном фонде туркестанского генерал-губернатора Н. И. Гродекова⁷, собиравшего материалы по истории завоевания Средней Азии, автора книг «Хивинский поход 1873 года» (СПб. 1883), «Война в Туркмении» (СПб. 1883–1884) и др.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Кауфман Константин Петрович (1818–1882) — инженер-генерал, генерал-адъютант, туркестанский генерал-губернатор в 1867–1882 гг., почетный член Петербургской Академии наук (с 1873 г.).
- 2 Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана//Он же. Сочинения. М. 1963. Т. II. Ч. I. С. 418.
- 3 Скобелев Михаил Дмитриевич (1843–1882) — генерал-адъютант, генерал от инфантерии, начальник Наманганского отдела в 1875–1876 гг., военный губернатор Ферганской области в 1876–1877 гг., командир 4-го армейского корпуса.
- 4 Якуб-бек (Магомет Якуб-бек Бадаулет) (1820–1877) — правитель государства Йэйтишар, созданного на территории Восточного Туркестана (Западный Китай) в период восстания мусульман.
- 5 Худояр-хан — правитель Кокандского ханства в 1845–1875 гг. См.: Чанышев Х. А. Русское посоль-

ство в Кашгар в 1875 году//Исторический вестник 1887. Т. XXX. С. 694–708.

- 6 Остен-Сакен Федор Романович (1832–1916) — барон, дипломат, секретарь Императорского Русского географического общества в 1865–1871 гг., вице-директор Азиатского департамента МИД в 1871–1875 гг., директор Департамента внутренних сношений в 1875–1897 гг., член Совета министра иностранных дел в 1897–1908 гг., почетный член Петербургской Академии наук (с 1889 г.).
- 7 Гродеков Николай Иванович (1843–1913) — генерал от инфантерии, военный губернатор Сыр-Дарьинской области в 1883–1893 гг., помощник приамурского генерал-губернатора в 1893–1898 гг., приамурский генерал-губернатор в 1898–1906 гг., туркестанский генерал-губернатор в 1906–1908 гг.

№ 1

А. А. Вейнберг — Ф. Р. Остен-Сакену

Ташкент. 5 октября 1876 г.

Милостивый государь барон Федор Романович.

Вот уже более трех месяцев что мы возвратились в Ташкент и зажили прежнею обычною жиз-

нею; в это время я успел вместе с генерал-губернатором побывать в Самарканде, куда приезжали посланец эмира бухарского и все пограничные беки, для встречи и приветствия генерал-губернатора.

Празднествам и овациям не было конца, но вместе с тем нужно отдать справедливость генералу Абрамову¹, который совершенно преобразил этот край. Не говоря уже о прекрасных дорогах и приветливом внешнем виде русского города, соединенного шоссейными улицами со старым Самаркандом, но и самый народ смотрит веселее и доверчивее, чем в нашем мусульманском Ташкенте, где донныне в некоторых частях города рискованно одному ездить — брань так и сыпется, а иногда и камнем заденут.

В настоящее время генерал-губернатор уехал в Фергану, а я предпочел остаться в Ташкенте; во-первых, потому, что не предвидел там особенного дела, ехать же декорацией не стоит. Кроме того, вести о внутреннем управлении Ферганой до того не утешительны, что не хотелось понапрасну кровь портить, так как помочь этому делу все равно не в моей власти.

По отъезде в прошедшем году, после первой половины похода, генерал-губернатора, война была ведена с нашей стороны с крайней жестокостью, сотни и тысячи мирных жителей погибали в пламени своих жилищ; М. Д. Скобелев и барон Меллер-Закомельский², бессердечные эгоисты, не знали грани бесчеловечному обращению с народом.

Теперь военные действия кончились, но система управления нагайкой и палкой в полной силе, и постоянно поддерживается мудрой организацией доносов и шпионства.

Лучшие зажиточные и почетные семейства выселяются из Ферганы в Сыр-Дарьинскую область и Зеравшанский округ, опасаясь попасть в немилость и быть высланными в Сибирь, как это уже не раз случалось.

Жалобы и просьбы о защите поступают со всех сторон, но на них мало обращается внимания, чтобы не подорвать авторитет местных властей. Вы поймете, Ваше превосходительство, что мне не хотелось отправиться в страну, где население, по старой привычке, считая меня посредником между ними и русскими властями, вероятно стало бы осаждать меня всякими просьбами и заявлениями, чем сразу поставили бы в неприязненные отношения к Скобелеву, с которым мы и без того не особенно любезны.

Генерал Скобелев имеет претензию всех обманывать и надо всеми издеваться, но очень не любит, если это замечают и дают ему понять, что он понапрасну трудится.

Горная экспедиция наша на Алай окончена³, командующий войсками возвратился в Коканд, и только что успел донести об окончательном умиротворении им края, как получено было известие о нападении партии киргиз на кавалерийский отряд (в две сотни) князя Витгенштейна, причем мы понесли потери 30 человек ранеными и 4 убитыми. Отряды наши прошли большой и малый Алай по разным направлениям, спустились в долину Кизыл-Су, верховья Сурхоба, истока Аму-Дарьи и доходили до озера Кара-Куля на севере Памира, недалеко от перевала Кизыл-Арт.

По отзывам всех участвовавших в Алайской экспедиции, движение это представляло неимоверные естественные препятствия и трудности. Отряду, с тяжестями на вьюках и горною артиллериею, приходилось двигаться по тропинкам, высящимся над пропастями. Более ста лошадей, навьюченные провиантом и снарядами, оборвались и погибли в обрывах скал; находившиеся на них тяжести приходилось поднимать с большими усилиями на канатах в продолжении суток и более. Многие из наших солдат, падавшие в изнеможении и цеплявшиеся за камни, объявляли, что они готовы несколько дней сряду биться с неприятелем, лишь бы не карабкаться по подобным тропам, проложенным горными козами и не менее дикими кара-киргизами.

Всему пройденному пространству произведена тщательная съемка, которая привела генерала Скобелева к убеждению в невозможности держать в повиновении горное население киргиз, при настоящих границах с Кашгаром, позволяющих киргизам во всякий данный момент перекочевывать в кашгарские пределы, и уклоняться таким образом от заслуженных карательных мер наших властей.

По мнению генерала Скобелева, новая предполагаемая пограничная черта между Ферганской областью и Кашгаром должна спуститься от перевала Суек на семиреченской границе, к югу до местности Оксалыр, — затем она пойдет на северо-запад до перевала Таумурун, причем захватит между урочищами Оксалыр и Яссы-Кичик кашгарское укрепление Улугчат (необозначенное на картах) с 22 орудиями и гарнизоном. Далее от перевала Таумурун граница пойдет опять на юг, приблизительно до перевала Тате-Корум, затем повернет на северо-восток и дойдет до предгорий Алтая, в долине Кизыл-Су. Капитану Генерального штаба Куропаткину⁴, командируемому ныне генерал-губернатором в Кашгар, поручено, сообразуясь с обстоятельствами, переговорить также с властителем Джиты-Шаара и о разграничении кашгарских владений с Ферганской областью, причем капитану Куропаткину по необходимости придется также затронуть вопрос о снятии кашгарского пикета в 30 верстах к юго-востоку от Гульчи, в пределах настоящих границ Ферганы (на картах не обозначен).

Если китайцы серьезно побьют Якуб-бека, то он без сомнения согласится на всякое нам удобное изменение границ — если же Бадаулет останется победителем, то весьма мало вероятия, чтобы он добровольно согласился на уступку нам укрепленного, стратегически важного пункта, который отстоит всего на 150 верст от столицы его владений.

Подобное притязание с нашей стороны, при благоприятном для него положении дел, было бы равносильно объявлению войны. Война же, по моему мнению, для нас вовсе не желательна, и мы должны только тогда двинуть отряды через Терек-Даван и от Нарына, когда будем вызваны на то Якуб-беком, самим же нам искать повода к войне едва ли полезно, потому что военные действия в Кашгаре черезчур отдаляют нас от наших резервов и, вместе с тем, приведут в страну, открытую до Великой Стены, без границ и без пределов, и мы не будем знать где и как остановиться.

На днях мною получено письмо от владельца Кашгара от 27 шабана 1293 г. (6 сентября 1876 г.), которое в копии и переводе при сем прилагаю.

Письмо это, извещающее меня о занятии китайцами также и Урумчи, написано из урочища Тохсун, находящегося к северо-востоку от Карашара, по дороге в Турфан и всего в расстоянии ста верст от последнего; на карте Венюкова⁵ «Граница России с Китаем» местность эта названа Токсан, а на 100 верстной карте Средней Азии, изданной Главным штабом, урочище это, вероятно по ошибке, нанесено под названием «Роксан».

В настоящее время Тянь-Шань отделяет Якуб-бека от китайцев, и очень может быть, что владелец Кашгара не перешагнет чрез горы, а будет ожидать китайцев по эту сторону хребта, как за естественным укреплением.

Китайцы может быть тоже не решатся перейти чрез Тянь-Шань. [З]има приближается, и им приходится все больше и больше удаляться от густого китайского населения внутренних провинций, составляющих их силу и оплот. Кроме того в Джунгарии стали ходить слухи о возможности новой инсurreкции хой-цзы ханей (дунган. — В. Б.) на западе Ганьсу и востоке Сычуани. Вследствии таких тревожных вестей и Цзо Цзун-тан⁶ все еще проживает в Ланьчжоу (а не в Хами, как доносил капитан Певцов⁷) вдаль от подначальных ему войск и медлит соединением с ними.

В письме ко мне Якуб-бек говорит, что ему ясно и хорошо известно, откуда китайцам, вследствие их просьб, оказывается помощь и поддержка, но что если уже такой обычай оказывать помощь вследствие просьб, то и он надеется на помощь великой державы государя императора. Очевидно Якуб-бек высказывает претензию на хлебную спекуляцию братьев Каменских и на нравственную поддержку, оказываемую нами китайцам. Правда, что заключение, выведенное Бадаулетом из факта оказания поддержки китайцам, не совсем логично, но оно может быть принято за иронию.

В случае победы Якуб-бека над китайцами, наши отношения к владельцу Кашгара сделаются еще более несовместными с достоинством России. Мы уверяем Якуб-бека в дружбе, отправляем к нему посольства, и одновременно даем согласие на снабжение провиантом его врагов; — как бы он не выместил свою злобу на капитане Куропаткине и его спутниках, которые должны были на днях из Коканда отправиться в Кашгар.

Чугучакский цзян-цзюн Жун выразил желание приехать в Ташкент для переговоров с генерал-губернатором о делах Верхне-илийской долины. Константин Петрович по сему делу через меня сделал запрос у Николая Карловича Гирса⁸ и просил его сообщить мнение Министерства касательно сего визита Жуна.

Не знаю, как посмотрит на это дело Департамент, но мне кажется, что в настоящее время преждевременно вести с китайцами какие бы то ни было переговоры, касающиеся будущей судьбы Илийской долины. Борьба с Кашгаром только что начинается, и лишь исход этого столкновения может выяснит нашу программу политических переговоров с Китаем.

Я вполне убежден, что внимание Министерства совершенно поглощено мировыми событиями на Балканском полуострове, но тем не менее и среднеазиатские дела требуют некоторого участия.

В текущем месяце минет три года, что я на службе в Туркестанском краю. В 1873 г., тотчас после моего прибытия, генерал-губернатор уехал в Петербург, и я более полутора года служил при Герас[име] Алексеевиче Колпаковском⁹, человеке энергичном и категоричном, который был предан делу и вкладывал душу в него; в то время работы было довольно и она легко сходилась с рук потому, что чувствовалась, что трудисься вместе с деятелем, который ценит всякий серьезный труд и не относится равнодушно к делу.

В начале лета 1875 г. возвратился в край генерал Кауфман, и тогда скоро началось военное время, длившееся до самой зимы и представившее само по себе много нового, интересного, и для меня не бывалого. Зима 1875-76 гг. прошла в Петербурге, а с конца июня сего года я нахожусь опять в Ташкенте при совершенно других обстоятельствах, чем в предшествовавшие годы.

В настоящее время нет у нас никаких особенных событий, следовало бы обратиться к спо-

койной и плодотворной административной деятельности, принимать интересы края близко к сердцу и серьезно относиться к делу. На самом же деле выходит совершенно другое, — теперь настало время мелких интриг и подкопов; лесть и низкопоклонничество на первом плане, в людях ценят шулерство и фиглярство, ко всякому человеку, серьезно и трезво относящемуся к делу, не питают особенного уважения. Встречи, оциации, фейерверки, трехаршинные адреса преданности только что покоренного населения в Фергане и транспоранты, изображающие Махрамский бой¹⁰, все это служит отводом и заглушает все насущные потребности народа, который надеялся на приезд высшей власти в Туркестане, как на появление мессии, избавителя и покровителя¹¹.

Что касается моей деятельности, то она в настоящее время самая жалкая, или лучше сказать ее совсем нет, — между тем я имею еще слава Богу силу и энергию, мне бы хотелось быть полезным и чувствовать, что я не перестал быть пригодным членом общества. Неужели мне еще долго придется остаться в таком положении, и Министерство не найдет другого места, где я был бы не лишним человеком; может быть на другом поприще я и принес бы некоторую долю пользы, тогда как здесь, при настоящих обстоятельствах, едва ли это возможно.

Я не писал об этом теперь Гирсу, потому что знаю, сколько он в настоящее горячее время занят, но может быть Вы когда-нибудь найдете удобный момент переговорить с Николаем Карловичем. Я ничего не сообщил о моем положении Александру Александровичу¹², потому что не надеюсь на его сочувствие. При сем на всякий случай прилагаю вероятно уже известный Вам рапорт капитана Певцова о его поездке в Гучэн. Н. А. Маев¹³ обещает выслать Вам недостающие номера «Туркестанских ведомостей», если только отыщет в старых годах.

От души желая Вам здоровья и всего хорошего, с глубоким почтением имею честь быть Вашим превосходительством искренно и совершенно преданный покорнейший слуга

А. Вейнберг

РГАДА. Ф. 1385 (Ф. Р. Остен-Сакен). Оп. 1. Д. 1440. Л. 35–43.

№ 2

К. П. Кауфман — Якуб-беку.

Высокостепенный Бадаулет.

После пожелания всего лучшего содержание следующее:

Пробыв по воле государя императора полтора года в Петербурге, я ныне возвратился в Ташкент и нахожу необходимым объехать в скором времени Высочайше вверенный мне край.

Свидетельствуя Вам, Бадаулет, мое почтение, имею честь уведомить Вас, что я намереваюсь побывать также и на Нарыне, недалеко от границ Джиты-Шаара, — владений моего доброго соседа. Надеюсь, что установившиеся между нами ныне добрые отношения еще более укрепятся и разовьются на почве взаимного доверия.

Полковник Рейнталь¹⁴, возивший Вам существенные знаки милости государя императора, передал мне о Вашей здравии и благополучии, и доставил также любезное письмо Ваше генерал-лейтенанту Колпаковскому от 23 раби сани 1292 г.*

По известиям, полученным от посла нашего в Константинополе¹⁵, посланник Ваш при его величестве султани, Сеид-Якуб, ходатайствовал о разрешении ему отправиться из Константинополя в Петербург, чтобы иметь счастье представить письмо Вашего Высочайшего величества государю императору, и затем из столицы нашей чрез Туркестанский край возвратиться а Кашгар.

Августейшему повелителю моему Великому Белому Царю благоугодно было разрешить Вашему посланнику приезд в Петербург, и я не сомневаюсь, что он найдет при высочайшем дворе и в отечестве нашем тот милостивый, ласковый и приветливый прием, который всегда встречают у нас посланные от дружественных держав.

Желаю Вашему высокостепенству здравия, счастья и всякого благополучия.

Туркестанский генерал-губернатор, генерал-адъютант

фон Кауфман I.

30 июня 1875 г.

г. Ташкент.

ОПИ ГИМ. Ф. 307 (Н. И. Гродеков). Оп. 1. Д. 44.

Л. 1–2. Подлинник.

* 18(30) мая 1875 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Абрамов Александр Константинович (1836–1886) — генерал-лейтенант, начальник Зеравшанского округа в 1868–1877 гг., военный губернатор Ферганской области в 1877–1883 гг.
- 2 Меллер-Закомельский Александр Николаевич (1844–1923) — барон, в 1876 г. служил в лейб-гвардии Гродненском гусарском полку.
- 3 Имеется в виду состоявшаяся в июле-августе 1876 г. экспедиция под руководством М. Д. Скобелева в Алайскую долину, в ходе которой решались не только военные, но и научные задачи. В результате экспедиции Южная Киргизия была присоединена к Российской империи.
- 4 Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925) — генерал от инфантерии, начальник Закаспийской области в 1890–1898 гг., военный министр в 1898–1904 гг., командир Гренадерского корпуса в 1915–1916 гг., туркестанский генерал-губернатор в 1916–1917 гг.
- 5 Венюков Михаил Иванович (1832–1901) — географ и этнограф, генерал-майор, с 1877 г. в эмиграции.
- 6 Цзо Цзун-тан (1812–1885) — наместник провинций Шэньси и Ганьсу, подавивший восстание в Джунгарии и Кашгарии.
- 7 Певцов Михаил Васильевич (1843–1902) — генерал-майор. После смерти Н. М. Пржевальского возглавил организованную им экспедицию 1889–1890 гг. в Кашгарию, Куньлунь и Тибет.
- 8 Гирс Николай Карлович (1820–1895) — товарищ министра иностранных дел и директор Азиатского департамента МИД в 1875–1882 гг., министр иностранных дел в 1882–1895 гг.
- 9 Колпаковский Герасим Алексеевич (1819–1896) — генерал от инфантерии, военный губернатор Семиреченской области в 1865–1867 гг., Семиреченской области в 1867–1882 гг., генерал-губернатор Степного края в 1882–1888 гг.
- 10 В бою под крепостью Махрам (Кокандское ханство) 22 августа 1875 г. повстанцы понесли большие потери. По свидетельству художника В. В. Верещагина, Скобелев «сделал такое кровопускание кокандцам, что К. П. Кауфман, любивший иногда щеголять словами, выразился в донесении государю: «Дело сделано чисто!» (Верещагин В. В. Михаил Дмитриевич Скобелев в 1870–1882 гг. // Русская старина. 1889. Т. 62. С. 392).
- 11 В конце сентября 1876 г. в Коканд прибыл туркестанский генерал-губернатор К. П. Кауфман, которому Скобелев устроил пышную встречу.
- 12 Мельников Александр Александрович (1827–1913) — вице-директор Азиатского департамента МИД в 1875–1883 гг., посланник в Тегеране в 1883–1886 гг.
- 13 Маев Николай Александрович (1835–1896) — генерал-майор, редактор газеты «Туркестанские ведомости» в 1869–1892 гг.
- 14 Рейнталь Павел Яковлевич — полковник, старший чиновник особых поручений при военном губернаторе Семиреченской области в 1870–1871 гг., начальник Копальского уезда Семиреченской области в 1874–1876 гг. Рейнталь встречался с Якуб-беком в Кашгаре в октябре 1868 г. (См.: Р[ейнталь] П. [Я.] Из Путевых записок о Нарыне и Кашгаре // Военный сборник. 1870. № 7–8.)
- 15 Игнатьев Николай Павлович (1832–1908) — граф, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, директор Азиатского департамента МИД в 1861–1864 гг., посол в Константинополе в 1864–1877 гг., министр внутренних дел в 1881–1882 гг.

Публикация кандидата исторических наук **Владимира БУХЕРТА**

«Начало бухарской распри положил Абрамов»

Письмо коменданта г. Ходжента полковника П. Г. Фавицкого

Публикуемое письмо повествует о событиях, приведших к установлению протектората Российской империи над Бухарским ханством. Современникам порой казалось, что некоторые действия русских военачальников в Средней Азии инициированы стремлением отстаивать не столько государственные, сколько частные интересы. Именно так

истолкованы в письме мотивы действий видного участника среднеазиатской эпопеи генерала А. К. Абрамова¹, под началом которого доводилось служить и молодому М. Д. Скобелеву.

Автор письма — коменданта г. Ходжента полковник П. Г. Фавицкий, а адресовано оно барону Ф. Р. Остен-Сакену².

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Абрамов Александр Константинович (1836–1886) — генерал-лейтенант, начальник Зеравшанского округа в 1868–1877 гг., военный губернатор Ферганской области в 1877–1883 гг., начальник 4-й пехотной дивизии (с 1883).
- 2 Остен-Сакен Федор Романович (1832–1916) — барон, дипломат, секретарь Имп. Русского географи-

ческого общества в 1865–1871 гг., вице-директор Азиатского департамента МИД в 1871–1875 гг., директор Департамента внутренних сношений МИД в 1875–1897 гг., член Совета министра иностранных дел в 1897–1908 гг., почетный член Петербургской Академии наук (с 1889).

П. Г. Фавицкий — Ф. Р. Остен-Сакену

Многоуважаемый Федор Романович.

Приношу Вам глубокую благодарность за обязательное письмо Ваше от 3 августа и присылку экземпляра 4 кн[иги] «Известий Императорского Русского географического общества».

В продолжении нынешнего лета в Ходженте было еще два землетрясения. Первое 3 июля в 8^{3/4} час[а] утра, начавшееся сильным подземным гулом, с востока на юг, продолжавшимся около 5 секунд и кончившимся довольно чувствительным ударом, от которого потолочные балки затрещали. Второе землетрясение случилось 8 августа в 5 часов 25 минут утра, продолжавшееся около 5 секунд, колебание земли было равномерное, с юга на север, не сопровождаясь никакими особыми явлениями. Оба эти землетрясения были и в Ура-Тюбе.

Война с эмиром кончена и мир заключен¹, по крайней мере так пишут и говорят официально, но в действительности борьба эта еще только в начале и вероятно вопрос этот поведет в будущем к весьма сложным комбинациям в Средней Азии. Столько же трудно указать предел будущих наших завоеваний, сколько трудно предвидеть конец начатой борьбы — за существование для бухарцев и из-за нашего возбужденного удачами честолюбия. Начало бухарской распри положил Абрамов в прошлом году, выдвинув вверенный ему отряд из Джизака в Яны-Курган, или, яснее сказать, вступив в пределы собственной Бухары. Со вступлением его на бухарскую территорию тотчас появились в пределах наших шайки барантачей² и бухарские полчища начали стягиваться от Самарканда к Яны-Кургану, но артиллерия не успела еще присоединиться к передовым бухарским войскам, как Абрамов поспешил дать им сражение, чтобы выйти героем-победителем и озаменить свое имя легкою победою. Шайки барантачей, грабившие в Джизакском и Зааминс-

ком районах, были не бухарцы, а обитатели Чардаров, Нураты и Санзара, не признавшие ничьей власти, как местность эта была нейтральной, сопредельная с нашею и бухарскою границею, хотя действовали они под влиянием бухарских интриг. Даже шайка Садыка³ состояла исключительно из жителей Нураты и Чардаров, к которым присоединились и подвластные нам киргизы. Речка Джизак всегда безостановочно снабжала нас водой, и бухарцы не могли отвести из нее воду, да и по местному гористому течению ее русла невозможно был отвести воду, хотя на это упирал Абрамов, в числе прочих причин, вынудивших его двинуться к Яны-Кургану. Спрашивается затем, что было причиной вторжения нашего в бухарские пределы, кроме замыслов честолюбия? В делах губернаторской канцелярии хранится переписка, что с продвижением в Яны-Курган войска завладели отличными пастбищами и большими запасами сена и что командиры частей (к числу которых принадлежал в то время и Абрамов, как батальонный командир), получая огромные фуражные деньги, пользуются даровым кормом для лошадей, но этот скандальный вопрос с большими натяжками покончен в ущерб интересам интендантства, которое официально об этом заявило. Слух о тучных пастбищах в Яны-Курганской долине давно был известен и тщательно обследован рекогносцировками Абрамова весной прошлого года, которые привлекли туда и первые полчища бухарцев, не знавших и не чаявших в Бухаре скорого к ним переселения русских войск на привольные луга с бесплодных равнин Джизака. Об этой фуражной экспедиции в то время громко говорили во всей области. Факт совершился и мы стоим на полдороге, то есть в таком положении, в котором мы еще никогда здесь не находились, и надолго бухарцам выпала завидная доля решить вопрос: идти ли нам вперед или поворотить назад, и хотя последнее труднее первого, но интересы наши во всяком случае ничего не выиграют от этого перемещения. Туркестанская область еще много поглотит кровных русских денег и в этом отношении будет тяжелым бременем для России.

Прошу принять уверение в моем неизменном к Вам уважении и душевной преданности, Вашего усердного слуги

Петр Фавицкий

14 сентября [1]868

Ходжент.

РГАДА. Ф. 1385 (Ф. Р. Остен-Сакен). Оп. 1. Д. 1688. Л. 1–2 об. Автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ходжент был занят русскими войсками 24 мая 1866 г. в ходе кровопролитного штурма. Мирным договором от 23 июня 1868 г. Бухарское ханство признало Ходжент, Ура-Тюбе и Джизак принадлежащими Российской империи.
2. Барангачи — разбойники, угонщики скота. О баранте см.: Валиханов Ч. Ч. Записка о судебной реформе//Он же. Собр. соч. Алма-Ата. 1985. Т. 4. С. 96–97.
3. Садык (род. в 1837 г.) — казахский султан, сын сул-

Генерал-лейтенант А. К. Абрамов.

тана Кенесары Касымова, воевал против русских (во время походов в Среднюю Азию) и китайцев (на стороне правителя государства Йэйтишар (Восточный Туркестан) Якуб-бека). В 1877 г. сдался русским властям, был прощен и поселился в Чимкентском уезде Сыр-Дарьинской области. Момент нападения воинства Садыка на русский отряд запечатлен на картине В. В. Верещагина «Парламентеры» (1873).

DOI: 10.31696/2072-5795-2024-1-29-32

В.Г. Бухерт

К.П. КАУФМАН ОБ АФГАНИСТАНЕ

Значительная роль в проведении политики Российской империи в Средней Азии и сопредельных с ней странах принадлежит лично туркестанскому генерал-губернатору Константину Петровичу фон Кауфману¹. Об этом свидетельствуют и его письма, являющиеся ценным историческим источником², в том числе и те, которые относятся к периоду второй англо-афганской войны 1878–1880 годов³.

1 марта 1879 года начальник Зеравшанского округа Н.А. Иванов⁴ известил шифрованной телеграммой К.П. Кауфмана о намерении Абдурахман-хана⁵, проживавшего в изгнании в Самарканде, бежать в Афганистан⁶. Абдурахман-хан был вызван в Ташкент, где ему была вручена назначенная субсидия в размере 25 тысяч рублей. 30 ноября он выехал из Ташкента и направился в Самарканд, который покинул 11 декабря. О «бегстве» Абдурахман-хана Кауфман сообщил военному министру Д.А. Милютину⁷ только 19 декабря, и вся последующая переписка, касающаяся этого события, велась лишь «для отвода глаз»⁸, и все «подлежащие оглашению официальные документы того времени совершенно расходились с секретными документами, выражавшими истинный смысл и настроение нашей тогдашней политики в афганском вопросе»⁹.

Одно из более ранних писем К.П. Кауфмана к Д.А. Милютину «о перспективах развития событий в Афганистане» от 19 ноября 1878 года ранее было опубликовано¹⁰. Ниже публикуется другое письмо К.П. Кауфмана к Д.А. Милютину от 4 сентября 1879 года с общей оценкой положения дел в Афганистане и политики России в отношении его, обнаруженное в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) в фонде Военно-учёного комитета Главного штаба (Ф. 401).

К.П. Кауфман – Д.А. Милютину

С.-Петербург. 4 сентября 1879 г.

Милостивый государь граф Дмитрий Алексеевич!

С той поры, как мы уступили место англичанам в Афганистане, место, которое мы могли занимать и оставить его за собою, если бы желали, англичане вполне воспользовались нашим честным отношением к друзьям и врагам, кто бы они ни были, заняли Афганистан если не войсками, то своими агентами, своими чиновниками и начали уже распоряжаться в Афганистане, как в завоёванной стране. Казалось, мы надолго лишены были всякой возможности даже думать о том, чтобы в случае нового разлада с Англией мы могли извлечь какую-либо пользу из нашего положения в Средней Азии. Нам оставалось лишь заботиться о том, чтобы не сделаться жертвою английских интриг, в которых, кстати сказать, они постоянно нас упрекают, несмотря на то, что мы к ним не способны, и которые составляют постоянное, изведенное ими и привычное для них оружие. Соседство подчинившегося Англии Афганистана с Бухарою, Персией и Хивою давало им возможность применить систему интриг, лжи, обманов, подкупов, вооружений из-под руки, посредством продажи торговыми людьми улучшенного оружия – туркменам, бухарцам и пр. Все эти приёмы давно известны, и не стоит их пояснять, но признаюсь, такое положение дел не раз заставляло меня задумываться: у англичан денег много, азиаты легко подкупны, а мы, какие бы ни были благодетели в Азии и как бы ни была сильна наша власть там, можем очень много потерять от ожидаемых мною несомненных успехов англичан на излюбленном их поприще. Столь же откровенно говорю, что,

кроме стремления к ещё большему скреплению дружбы с владельцем Бухары¹¹, между прочим, в виде испрошения высочайшей награды бухарскому эмиру и царского подарка его первому министру, а также усиления бдительности нашей над соседями, я ничего не придумал больше остроумного, чтобы противопоставить англичанам для парализования несомненного в будущем влияния их на наше положение в Средней Азии, а главные надежды мои возлагаю на неосторожность и промахи англичан, которые они, по всем вероятностям, выкажут, вступая в права победителей золотом над афганцами. Ещё более рассчитываю на известную мне ненависть к англичанам афганцев. Ожидания мои сбылись, правда, несколько ранее, чем я ожидал. События в Кабуле, тем не менее, таковы, что ими следует воспользоваться при известном развитии этого дела, чтобы поставить себя в Азии в такое положение, которое было бы менее для нас невыгодно, чем положение, вытекающее из Гандамакского мира¹², и которое могло окончиться потерей обаяния, приобретённого нами долгим трудом, твёрдою, честною политикою нашею в Азии и постоянными там успехами нашего оружия.

Взрыв народного негодования против британцев, выразившийся избиением их агентов, может разыгаться двумя способами: или восстание против английского владычества в Афганистане разовьётся в поголовное вооружение против них, с эмиром Якуб-ханом¹³ или другим лицом во главе, или же быстрое движение в Кабул английских войск, стоящих очень близко к этому городу, и немедленное его занятие не дадут разыгаться народным страстям, остановят дальнейшее развитие восстания, и тогда всё дело на сей раз ограничится наказанием преступников, казнями главных виновников нападения на горсть слишком доверчивых европейцев, и затем всё останется по-прежнему, как решил Гандамакский мир. В последнем случае, конечно, нам не приходится ничего предпринимать, по крайней мере, я не берусь пока ничего представлять, а буду ожидать другого случая или таких обстоятельств, которые укажут, что можем мы предпринять с надеждою на успех, и в чём именно он был бы желателен.

В настоящее время необходимо обсудить, что может произойти от первого случая, т.е. если восстание в Афганистане делается общим или примет большие размеры. Англичанам тогда придётся занимать весь Афганистан своими войсками; они постоянно будут в необходимости завоёвывать Афганистан. Неизбежность завоевания в этом случае и невыгодность для англичан такого положения дел не подлежит сомнению. Исполнение этой задачи потребует и много времени, и много средств. Но я не подвергаю сомнению успешности действий англичан в этом направлении. Вопрос во времени, делается ли это в один год или в два года; но что Англия одолеет врага, то это верно, если не случится в это время какой-либо катастрофы внутри индийских владений, где отношения между английскими властями и подвластным им населением должны быть натянуты.

Если англичане завоюют Афганистан, с огромными, конечно, жертвованиями людьми и деньгами, то после завоевания его они сделаются настоящими владыками в Азии; мы же должны будем смириться перед ними и потеряем то положение, которое мы теперь ещё занимаем в Азии, и которым, если обстоятельства не допустили до сих пор воспользоваться нам, чтобы серьёзно угрожать Англии, то можем ещё надеяться на будущее время, можем ещё воспользоваться случаем, чтобы поставить Англию в зависимость от воли нашего державного монарха.

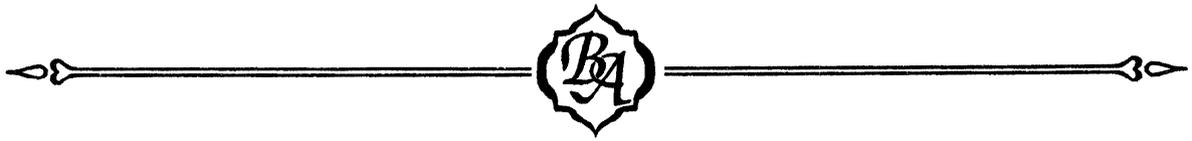
Если действительно англичанам придётся завоёвывать весь Афганистан, то нам необходимо не допустить их распространять свою власть по сю сторону Гиндукуша. Северный Афганистан с Бадахшаном, Балхом, Маймене, а если можно, то и с Гератом должен быть под нашим влиянием, как южный с Кабулом, Газни и Кандагаром под влиянием и даже, пожалуй, под властью англичан. Достигнуть этого мы бы могли с помощью Абдурахман-хана. Он, я полагаю, не откажется от действий, если ему предложить некоторые средства.

Афганцы – пришлые люди во всём Афганском Туркестане, т.е. по сю сторону Гиндукуша; природные его жители ненавидят афганцев, которые ведут себя там с наглостью азиат-

ских завоевателей. Узбеки, покорённые афганцами, постоянно ожидают либо русских войск, которые избавят их от притеснений их властелинов, либо Абдуррахман-хана, пользующегося огромной популярностью между населением этой страны. Его имя и в южном Афганистане произносится с уважением, но в северном знает его каждый узбек, и оно наводит страх на афганцев, которые оч[ень] ревнуют популярности Абдуррахмана и боятся его. Полагать должно, что появление его, конечно вовремя, в Мазари-Шерифе произведёт переворот в его пользу, и он может сделаться владельцем довольно почтенного ханства, в состав коего войдут: Бадахшан, Кундуз, Балх, Маймене, Андхой и несколько других маленьких владений, все бывшие ханства, порабощённые Афганистаном в последнее тридцатилетие. Было бы, конечно, выгодно включить туда же и Герат, который ни в каком случае не должен входить в состав английских владений, и, если бы не оказалось возможным присоединить его к этому новому государству, то, быть может, окажется возможным признать его независимость с особым ханом во главе или присоединить его к Персии. Абдуррахман-хан может быть поставлен в зависимость от нас, такую же, как и бухарский эмир, но ему надо дать денежные средства для приведения в исполнение этого плана. Надо только суметь воспользоваться обстоятельствами. Во-первых – переговорить с Абдуррахманом, во-вторых, не пропустить удобного времени выпустить его за Аму-Дарью. На это мне нужно высочайшее одобрение.

Мы имеем полное право не допустить англичан до занятия всего Афганистана; мы, по предложению самой Англии и соглашению с нею, признали Афганистан нейтральным. Англия, по своим нуждам, нарушила это условие. Если мы и отправляли посольство наше в Кабул в мае 1878 года, то это было сделано в то время, когда Англия явно стала в угрожающее нам положение, когда она ввела, без права на то, флот свой в Мраморное море и в Босфор, когда она не допустила нас воспользоваться плодами великих подвигов и успехов нашей победоносной армии. Когда же Берлинский договор¹⁴ был заключён, войска наши, приготовленные к движению к Аму-Дарье, возвращены, посольство наше при первой возможности вызвано из Кабула, и английскому правительству объявлено, что обязательства наши о независимости Афганистана входят в прежнюю силу. Во имя этих обязательств мы и вошли в свои границы и предоставили Шер-Али-хана¹⁵ самому себе. Как ни тяжело и невыгодно это было для нас, но мы не отступили от своих обязательств и стоим на почве трактатов. Англия не так поступила: захватив значительную часть афганской территории, она поставила государство это в строго зависимое, в подвластное положение, которое, однако, по взаимному с нами соглашению должно бы было оставаться независимым. По настоящему положению вещей у нас, кажется, руки развязаны для свободного действия за Аму-Дарьёй. Я позволяю себе думать, что вопрос этот мог бы даже быть предметом сделки с английским правительством, когда выяснится вопрос о положении дел в Афганистане, т. е. когда обстоятельства заставят англичан завоёвывать весь Афганистан. Очень может быть, что английское правительство будет довольно сбить с плеч часть тяготы, которая падает на него, если придётся завоёвывать весь Афганистан. Только Герат, несомненно, вызовет спор, а остальная часть северного Афганистана, быть может, не будет особенно интересовать государственных людей Англии. Нам же ни в каком случае нельзя пускать англичан на Аму-Дарью, и что бы ни стоило водворение Абдуррахман-хана, следует на это решиться, иначе с англичанами на р. Аму или их эмиссарами, агентами, с их деньгами и подкупами, наше положение будет невыносимым. Не думаю, чтобы Абдуррахман-хан потребовал много денег для выполнения этого плана; впрочем, до объяснения с ним в этом смысле я не могу говорить о цифре. Если бы его императорскому величеству благоугодно было предоставить мне объяснить это дело, то я не предложу ему лишнего. Быть может, государю императору¹⁶ благоугодно признать полезным лично передать мне свою волю по сему предмету, то время ещё есть, я бы мог приехать в Ялту на один, на два дня¹⁷, и тогда виды его величества были бы мне яснее, и я мог бы действовать с большею уверенностью.

Пользуюсь сим случаем, чтобы засвидетельствовать Вам чувства уважения и преданности, с коими имею честь быть Вашего сиятельства покорнейшим слугою.

К. фон Кауфман 1

РГВИА. Ф. 401 (Военно-учёный комитет Главного штаба). Оп. 5. Д. 616. Л. 59–64об. Автограф.

Примечания

¹ Кауфман Константин Петрович, фон (1818–1882) – инженер-генерал, генерал-адъютант, директор Канцелярии Военного министерства (1861–1865), виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор (1865–1866), туркестанский генерал-губернатор (с 1867 г.), почётный член Петербургской АН (с 1873 г.). См. о нём: *Остроумов Н.П.* Константин Петрович фон Кауфман – устроитель Туркестанского края. Ташкент, 1899; *Он же.* Рассказы о покойном К.П. фон Кауфмане // Туркестанский литературный сборник в пользу прокажённых. СПб., 1900. С. 208–214; Кауфманский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана 1-го. М., 1910; Константин Петрович фон Кауфман // Сибирский торгово-промышленный ежегодник 1913. Санкт-Петербург, 1913. С. 82–83; *Беленчук Л.Н.* Генерал-губернатор Туркестана Константин Петрович фон Кауфман и его просветительская деятельность // Педагогика. 2002, № 1. С. 79–85; *Глуценко Е.А.* Герои империи. Портреты российских колониальных деятелей. М., 2003; *Васильев Д.В.* Полпред Российской Империи. Первый генерал-губернатор Туркестана К.П. фон Кауфман достойно защищал интересы нашего Отечества // Военно-исторический журнал. 2003, № 3. С. 70–76; № 4. С. 46–49.

² См., например: *Бухерт В.Г.* «Войска наши такая прелесть, что нельзя представить ничего лучшего». Первый туркестанский генерал-губернатор: 12 лет переписки // Источник. 2003, № 1 (61). С. 5–21; № 2 (62). С. 8–23; *Он же.* «Если бы я захотел резни, то она была бы». Письмо К.П. фон Кауфмана А.А. Кирееву. 1876 г. // Восточный архив. 2016, № 1 (33). С. 17–22.

³ *Соболев Л.Н.* Англо-Афганская распря (Очерк войны 1879–1880 гг.). СПб., 1880. Т. 1–4. Вып. 1–8.

⁴ Иванов Николай Александрович (1842–1904) – генерал-лейтенант, начальник Аму-Дарьинского отдела (1873–1877), Зеравшанского округа (1877–1883), военный губернатор Ферганской области (1883–1887), туркестанский генерал-губернатор (1901–1904).

⁵ Абдурахман-хан (1844–1901) – эмир Афганистана (с 1880 г.), жил в изгнании в Самарканде (1870–1879). См.: Автобиография Абдурахман-хана, эмира Афганистана. СПб., 1902.

⁶ *Семёнов А.А.* «Бегство» Абдур-Рахман-хана из Ташкента в Афганистан // Кауфманский сборник... С. 3.

⁷ Милютин Дмитрий Алексеевич (1816–1912) – генерал-фельдмаршал, генерал-адъютант, профессор Военной академии (с 1845 г.), военный министр (1861–1881), почётный член Петербургской АН (с 1866 г.).

⁸ *Семёнов А.А.* «Бегство» Абдур-Рахман-хана из Ташкента в Афганистан. С. 13.

⁹ Там же. С. 11.

¹⁰ См.: «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии / Сост. Т.Н. Загородникова. М., 2005. С. 199–201.

¹¹ Музаффар-хан (1826–1885) – эмир Бухары (с 1860 г.).

¹² Имеется в виду Гандамакский договор, подписанный в деревне Гандамак (Афганистан) 26 мая 1879 г. эмиром Афганистана Мухаммедом Якуб-ханом и британским дипломатом Пьером Наполеоном Луи Каваньяри, которым завершилась первая фаза второй англо-афганской войны (1878–1880).

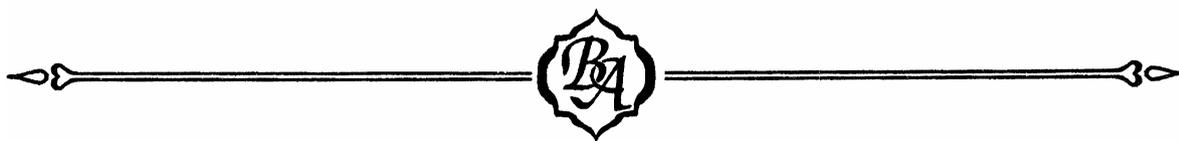
¹³ Мухаммед Якуб-хан (1849–1923) – эмир Афганистана (1879–1880).

¹⁴ Имеется в виду Берлинский трактат, заключённый 13 июля 1878 г. державами – участниками Берлинского конгресса.

¹⁵ Шир-Али-хан (1825–1879) – эмир Афганистана (1863–1866 и с 1868 г.).

¹⁶ Александр II (1818–1881) – российский император (с 1855 г.).

¹⁷ Совещание с императором по предложенному К.П. Кауфманом плану происходило в Ливадии 20 сентября 1879 г. (См.: РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. Д. 616. Л. 59). Абдурахман-хану в ноябре 1879 г. было выделено 25 тысяч рублей (Там же. Л. 68).

В.Г. Бухерт

«НАСТОЯТЕЛЬНЕЙШИЕ НУЖДЫ ПАМИРСКОГО РАЙОНА»

Записка И.И. Зарубина. 1917 г.

В мае 1915 г. известный востоковед, исследователь Памира И.И. Зарубин¹ по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии отправился в свою вторую экспедицию на Памир². Он стал «секретарем по административной части» Памирского отряда, который возглавлял полковник И.Д. Ягелло³. Пребывание в этой должности позволило И.И. Зарубину детально ознакомиться с системой управления Памирским районом, сложившейся со времени присоединения его к Российской империи. Вернувшись с Памира, он подал помощнику военного министра генералу В.Ф. Новицкому⁴ записку об устройстве Памирского района, датированную 6 мая 1917 г.⁵ В ней он, излагая свои взгляды на реформирование системы управления этим отдаленным краем бывшей Российской империи, подчеркивал, что уполномочен русской администрацией и колонией на Памире выяснить отношение Временного правительства к этому району. Всей полнотой власти там, военной и гражданской (административной и судебной), был наделен начальник Памирского отряда. Фактически же, утверждал И.И. Зарубин, власть находится в руках переводчиков из местных жителей. На населении лежат тяжелые повинности по снабжению русских постов, не установленные ни законом, ни обычаем, что побуждает местных жителей бежать в Афганистан.

В Главном штабе, куда поступила записка И.И. Зарубина, сочли затронутые в ней проблемы лежащими полностью в компетенции местной власти и направили 12 мая 1917 г. копию записки председателю Туркестанского комитета Временного правительства Н.Н. Щепкину⁶.

26 июня 1917 г. совещание по делам края при Туркестанском комитете Времен-

ного правительства одобрило «Временное положение об управлении Памирским районом»⁷. В соответствии с ним все гражданское управление на Памире и административные функции начальника Памирского отряда перешли к комиссару Памирского района, главной задачей которого являлась организация перевыборов местной администрации и создание «повсеместно» новых органов – «народных комитетов». Комиссаром Памирского района был назначен И.И. Зарубин, прибывший в Хорог 25 июля 1917 г.⁸ К нему перешло все гражданское управление на Памире. За начальником Памирского отряда, которым к моменту возвращения И.И. Зарубина был уже подполковник В.В. Фенин⁹, сохранились лишь обязанности непосредственного управления отрядом. В должности комиссара Памирского района И.И. Зарубин пробыл до февраля 1918 г.¹⁰

Публикуемая записка И.И. Зарубина не озаглавлена, заголовок дан автором публикации.

[Об устройстве Памирского района]

Русская администрация и колония на Памире обратились к Временному правительству с просьбой выяснить его отношение к Памирскому отряду и всему населению района, указав сведущим лицом меня, как изучающего уже в течение трех лет по поручению Академии наук и Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии быт и языки памирских племен (телеграмма министру-председателю ... апреля¹¹ № 468). В виду сего имею честь представить краткие соображения о настоятельнейших нуждах Памирского района.

Ввиду своего географического и стратегического положения Памирский район, кли-

ном вдающийся в афганские и китайские владения, вплотную подходя к Северной Индии, и отделенный природными условиями от остального русского Туркестана – выделен в особый военно-административный округ, управляемый на основании секретной инструкции командующего войсками Туркестанского военного округа начальнику Памирского отряда¹², которому этой инструкцией вручается власть военная и гражданская, как административная, так и судебная, а также заведование пограничной разведкой. Его помощниками в осуществлении этой власти являются офицеры отряда. Начальник и офицеры отряда назначаются на два года каждый, причем для назначения в отряд не требуется ни знания местных языков, ни предварительного знакомства с бытом населения. Вследствие чего фактически управление находится в руках переводчиков и низшей туземной администрации, которые, пользуясь этим, беззастенчиво эксплуатируют население даже при лучших намерениях русской администрации. Власть же ее, чрезвычайно обширная по инструкции, на деле является совершенно неограниченной, вследствие туманности инструкции и отдаленности района от центральных властей. Чтобы судить о пределах этой власти и о ее применении, достаточно несколько примеров. Пять–шесть лет тому назад на Памирах¹³ распоряжением одного из бывших начальников¹⁴ введено публичное телесное наказание плетью, к которому по приказанию русских властей приговариваются не только мужчины (даже старики и малолетние), но и женщины. В 1915 г. по ошибке был до полусмерти заперот афганский таджик, что едва не вызвало пограничных осложнений. В этом году был случай приговора к смертной казни, вынесенного единоличной властью начальника (приговор этот был представлен на усмотрение командующего войсками и, кажется, утверждения не получил). В области гражданских отношений совершаются – чаще всего по недостаточной осведомленности – вопиющие нарушения правовых основ и местных обычаев. В прошлом и позапрошлом году у многих таджиков была отобрана земля, которую они поль-

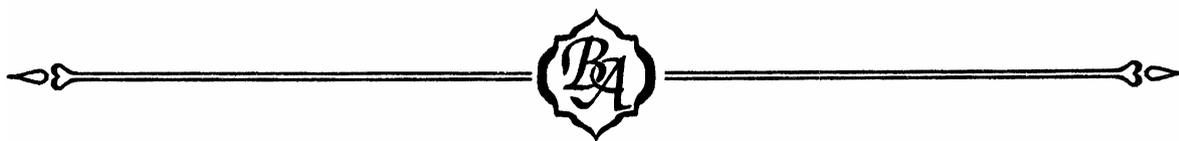
зовались больше 30 лет, и передана перебежчикам из Афганистана. Был случай, когда офицер «по ошибке» утвердил развод супругов, из которых ни один о разводе не просил.

На населении лежат тяжелые повинности, не установленные ни законом, ни обычаем, ни даже распоряжением центральных властей. Повинности эти состоят в снабжении всем необходимым расположенных в районе русских постов. Туземцы должны доставлять для нужд постов и отдельных чинов отряда все, что будет приказано, причем расплата производится или по чрезвычайно низкой оценке, или вовсе не производится. Вплоть до нынешнего года от туземцев требовали даже поставки продуктов, вовсе не производившихся в районе, как соль, рис, кишмиш, и их туземцы должны были по дорогой цене и теряя на курсе приобретать из Бадахшана, лишь в этом году (отчасти по моему ходатайству) повинность эта была уничтожена. В порядке повинности туземцы должны доставлять с расстояния нескольких десятков верст к Рождеству елки, яблоки и грецкие орехи. За сажень дров, привозимых на 15–20 вьючных лошадях с расстояния 60–70 верст, платится 4–5 рублей. При этом и эти деньги не всегда доходят до населения, так как низшая администрация добрую их половину оставляет у себя.

При таких порядках неудивительно, что в 1915 году население двух аминств перебежало в Афганистан. И лишь после долгих переговоров часть бежавших вернулась.

Между тем население, девять десятых которого принадлежат к секте исмаилитов, чрезвычайно лояльно и вовсе не фанатично, очень восприимчиво к европейской культуре (с которой оно знакомится чаще всего в Индии, куда таджики часто отправляются с религиозными целями), с охотой отдает детей в русско-туземную школу¹⁵, учится мастерствам и хотело бы с симпатией относиться к русским.

Ныне, когда для всех народов России начинается новая эра, по моему убеждению, явившемуся результатом трехлетнего изучения страны и ее обитателей, для спокойного и безболезненного перехода Памирского

района к новому строю настоятельно необходимы следующие меры:

1. Разъяснение населению в простой и доступной его пониманию форме значения ныне совершающихся событий и преобразований (среди некоторых туркестанских народностей падение старого строя понято как отказ русского правительства от государственной власти), а также подготовка к выборам в Учредительное собрание.

2. Переизбрание всех туземных должностных лиц, так как в массе они не соответствуют изменившимся условиям (при этом населению должно быть разъяснено, что всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право есть лишь право (подчеркнуто И. Зарубиным. – В.Б.) населения, но что оно может видоизменять эту избирательную систему, приспособляя ее к своим бытовым особенностям).

3. Передача всех судебных дел в исключительное ведение судебных властей, в соответствии с существующим в остальном Туркестане порядком, – притом необходима отмена телесных наказаний, а также объявление о состоявшейся отмене смертной казни.

4. Отмена всех архаических, ни на чем не основанных повинностей населения, в случае же полной невозможности приобрести действительно необходимые для русских постов продукты иначе, как реквизицией, таковая может быть произведена, но при непременном условии, чтобы порядок ее и расценка продуктов устанавливались особой русско-туземной комиссией.

5. Как для осуществления указанных мероприятий, так [и] для общего надзора за гражданским управлением, а особенно в переходное время, назначение в качестве областного (районного) комиссара от правительства особого лица, хорошо знакомого со страной и населением.

Окончивший юридический факультет Петроградского университета, командированный Академией наук и Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии в лингвистическом и этнографическом отношениях

Иван Иванович Зарубин.

О последующем прошу меня уведомить по адресу:

Павловск, Госпитальная ул., 3, кв. 8.

РГВИА. Ф. 400 (Главный штаб). Оп. 1. Д. 4616 Л. 91–93. Машинопись, подпись – автограф.

Примечания

¹ Зарубин Иван Иванович (1887–1964) – востоковед-иранист, профессор ЛГУ (1938–1949 гг.).

² Юсупов Ш. И.И. Зарубин на Памире // Памироведение. Вып. 2. Душанбе, 1985. С. 38–39.

³ Ягелло Иван Дионисьевич (1865–1942) – востоковед, полковник, начальник Памирского отряда (1906–1907, 1914–1917 гг.).

⁴ Новицкий Василий Федорович (1869–1929) – генерал-лейтенант, помощник военного министра (1917 г.).

⁵ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400 (Главный штаб). Оп. 1. Д. 4616. Л. 91–93.

⁶ Там же. Л. 94. Щепкин Николай Николаевич (1854–1919) – политический деятель, председатель Туркестанского комитета Временного правительства (1917 г.).

⁷ РГВИА. Ф. 1396 (штаб Туркестанского военного округа). Оп. 2. Д. 2168. Л. 421–422.

⁸ Там же. Л. 556 об.

⁹ Фенин Валериан Викторович (1875–1933) – полковник, начальник Памирского отряда (1917–1918 гг.), председатель Русского дома в Багдаде (1929–1930 гг.).

¹⁰ Юсупов Ш. Указ соч., с. 43.

¹¹ Точную дату документа разобрать не удалось.

¹² Новая «Инструкция начальнику Памирского отряда» была утверждена туркестанским генерал-губернатором А.В. Самсоновым 31 января 1914 г.

¹³ В топонимике того времени употреблялся термин «Памиры». Различались «Большой и Малый Памиры», «Харгош-Памир», «Аличур-Памир», «Тагдумбаш-Памир».

¹⁴ Муханов Александр Владимирович (1874–?) – полковник, начальник Памирского отряда (1908–1912 гг.), командир 6-го Сибирского стрелкового полка (1915–1916 гг.), военный агент в Греции (с 1916 г.).

¹⁵ Открыта в Хоргозе осенью 1909 г.